

Жэнь Гуань нахмурился, и на его лице отразилось явное замешательство:

— Старик действительно не силён в подобных искусствах.

Но для Ян Е он оставался последней соломинкой. Оказавшись в этом мучительном тупике, когда и жить не в состоянии, и умереть не получается, князь мёртвой хваткой вцепился в старика:

— Господин Жэнь, не обманывайте меня! Я знаю, у вас есть способ. Умоляю, помогите мне! Или вы боитесь раскрыть тайны небес и навлечь на себя гнев богов? Но ведь спасение чужой жизни благороднее возведения семейрусной пагоды! Если вы сейчас бросите меня на произвол судьбы, прольётся кровь. Неужели вы думаете, что за это боги вас пощадят?

Отвязаться от него было невозможно. Жэнь Гуань долго и молча разглядывал юношу, после чего со вздохом покачал головой:

— Ладно. Раз уж вы, князь, столь упрямы, давайте попробуем Великий метод поиска душ. Вы сами отправитесь туда и всё увидите. Идёт?

Ян Е не имел ни малейшего представления о том, что это за метод, но без лишних расспросов последовал за господином Жэнем в его столичную усадьбу. Там под руководством старика соорудили походный алтарь. Князь послушно уселся на циновку, скрестив ноги. Вскоре голос Жэнь Гуаня донёсся до него словно сквозь плотный туман:

— Я вознёс молитвы высшим силам. Сейчас ваша душа отделится от плоти, а прислужник преисподней укажет дорогу. Ступайте и ищите.

Явившийся за ним прислужник оказался уродливым, но юрким и сообразительным малым. Правда, приближаться к Ян Е он наотрез отказался, испуганно лебезя:

— Ваша светлость, вы ведь живой человек, от вас так и пышет янской энергией! Мелкому бесу боязно подходить слишком близко, уж не обессудьте.

Они пустились в путь. По дороге проводник без умолку болтал, просвещая гостя:

— Поглядите, князь, это дорога Жёлтых источников — преддверие подземного царства. А вон там, чуть впереди, виднеется мост Найхэ. Возле него торчит старуха Мэн и торгует своим отваром «Десяти великих восполнений». С виду она благообразная и приветливая, но на деле — сущая фурия, мы все стараемся обходить её десятой дорогой.

Пока они шептались, та самая фурия, стоявшая у бурлящего, исходящего паром котла, зычно крикнула в их сторону:

— Ой, неужто гости пожаловали? У меня как раз свежий отвар поспел! Не желает ли уважаемый господин испить чашу-другую?

Ян Е опешил, но бесёнок тут же звонко выкрикнул вместо него:

— Старуха Мэн, совсем ослепла на старости лет? Не видишь разве — перед тобой живая душа! Это знатный господин, явившийся по особому уговору с нашим частым гостем из мира живых. Держи своё варево при себе, нечего приличных людей дурачить!

Старуха Мэн мгновенно расплылась в заискивающей улыбке:

— Ох, верно, верно... Глаза мои старые совсем ни к чёрту стали, не признала.

Ян Е лишь вежливо кивнул ей издалека и шёпотом спросил у своего проводника:

— Ты не знаешь, где мне искать человека по имени Лин Шу? Он должен быть здесь.

Маленький бес хмыкнул:

— Откуда же мне знать, ваша светлость? Такие вещи мелкому бесу неведомы. Но у самого моста Найхэ нас ждёт проводник из ведомства Князя Циньгуана. Все покойники, переходящие на тот берег, регистрируются у него. Он точно в курсе.

Они подошли ближе к мосту Найхэ. Навстречу им, покачиваясь словно тонкие бамбуковые шесты, выплыли две долговязые фигуры — одна в белоснежном, другая в угольно-чёрном одеянии. Позади них серой унылой вереницей, будто живые мертвецы, плелись безликие души.

— Взгляните, князь! — зашептал бесёнок, указывая пальцем. — Это Черно-белые стражи смерти. Видать, только-только вернулись с жатвы в мире живых. Сейчас сдадут партию душ и наверняка завалятся в подземный кабак, чтобы промочить горло парой чарок крепкого вина.

Ян Е любопытно вытянул шею, разглядывая жутковатую процессию, как вдруг над самым ухом раздался вкрадчивый, уважительный голос:

— Ваша светлость.

Князь вздрогнул, обернулся и увидел длиннородного старца. Тот стоял шагах в трёх от него, почтительно сложив руки в приветствии. Судя по всему, это и был тот самый проводник из свиты Князя Циньгуана.

Ян Е поспешно поклонился в ответ:

— Приветствую вас, почтенный. Я явился сюда лишь ради одного дела. Скажите, не проходила ли здесь прошлой зимой душа по имени Лин Шу?

Старец молча вытащил из холщовой наплечной сумки потрёпанный, почерневший от времени фолиант. Он долго шуршал пожелтевшими страницами, пока наконец не замер и не произнёс:

— Да... В тринадцатый день одиннадцатого месяца прошлого года человек с таким именем действительно переступил порог этого царства.

Сердце Ян Е совершило кульбит. Он рванулся вперёд, но старец испуганно отпрянул назад, стараясь по-прежнему держаться на почтительном расстоянии:

— Князь, умоляю, держите себя в руках! Помню, я тогда проверял его земной путь. Хоть этому человеку и досталась судьба под зловещей звездой Небесного Демона, а руки его были по локоть в крови, на то была воля Небес — его силами очищали подлунный мир от тех, кто заслуживал смерти. Ему позволили войти в колесо перерождений и вновь родиться человеком. Однако, оказавшись у моста Найхэ, он наотрез отказался пить отвар старухи Мэн. И возродиться в мире живых тоже не пожелал. Он заявил, что лучше развеет свою душу прахом, лишь бы никогда больше не возвращаться на землю. Мы долго пытались вразумить упряма, но идти против чужой воли не в силах. В конце концов его душа и впрямь развеялась без следа. Из-за него Князь Циньгуан приказал всыпать мне полсотни ударов плетью, ох...

У Ян Е похолодело внутри.

— Что значит «развеялась без следа»?! — выдохнул он, едва дыша от ужаса. — Разве нельзя... нельзя собрать её обратно? Неужели ничего нельзя сделать?!

Старец горестно вздохнул:

— Когда душа рассеивается прахом, она обращается в бесплотный дым и разносится ветрами во все пределы вселенной, бесследно растворяясь в пустоте. Как же её воротить? Всё, князь. Ни в мире живых, ни в царстве мёртвых этого человека больше нет. И никогда не будет.

Ян Е оцепенел. Он шёл за ним сквозь саму смерть, прорывался в загробный мир в безумной надежде — и наткнулся на глухую стену небытия. В груди огненным вихрем вскипели ярость, тоска и чёрное отчаяние.

— Да как он мог?! — яростно взревел князь. — И ты, старый хрыч, просто так отпустил его?! Какого чёрта ты вообще здесь сидишь, если не способен удержать одну-единственную душу?!

Старец испуганно попятился, прижимая фолиант к груди:

— Помилуйте, князь! Моей вины тут нет! Этот человек при жизни нёс на себе печать

Небесного Демона, и его тяжёлая, зловещая аура не угасла даже после смерти. К нему подступиться-то было страшно, я едва смел дышать в его присутствии, не то что силой удерживать! Что я мог поделать?!

Ярость требовала немедленного выхода. Теряя рассудок от горя, Ян Е озверел окончательно:

— Нет, это твоя вина! Вся до капли! Я живым тебя отсюда не выпущу!

В этот момент мимо лениво проплывал Белый страж смерти, уводя за собой очередную партию безмолвных призраков. Не помня себя от ярости, Ян Е подскочил к нему, одним рывком вырвал из костлявых рук стяг призыва душ и со всего маху обрушил тяжёлое древко на голову длиннобородого старца.

Ни старец, ни испуганный бесёнок не успели увернуться. Они с визгом разбежались в разные стороны.

— Князь! Безумец! — вопил старик, петляя между надгробиями. — Одно дело — чинить бесчинства в мире живых, но устраивать погром в преисподней?! Побойтесь богов!

Ян Е лишь дико оскалился в ответ:

— Кто сказал, что в аду нельзя буянить?! Я с пелёнок поперёк закона хожу, а если ты об этом не слышал — грош цена твоей службе!

Он принялся размахивать стягом, рассекая мертвенный воздух с оглушительным свистом. Черно-белые стражи смерти, позабыв о своём грозном величии, с визгом скакали вокруг, пытаясь увернуться от ударов, а вереница усопших душ окончательно смешалась в хаотичную кучу.

Но князю этого показалось мало. Заметив, что стоящая поодаль старуха Мэн с явным злорадством наблюдает за заварухой, он окончательно слетел с катушек. Подскочив к огромному чану, Ян Е со всей силы пнул его тяжёлым сапогом.

Огромный котёл с грохотом повалился навзничь. Густая дегтярно-чёрная жижа хлынула на землю. В этой бурлящей жиже извивались и дико прыгали сотни омерзительных склизких тварей, разевавшие игольчатые пасти и пронзительно пищавшие на одной ноте.

Старуха Мэн, издав истошный вопль, бросилась спасать своё варево. Она попыталась зачерпнуть ладонями растекающуюся жижу, но мгновенно обварилась, запрыгала на месте и затрясла обожжёнными руками:

— Мой отвар! Мой бесценный целительный отвар! О боги, что же теперь делать, как быть?!

У моста Найхэ поднялся такой невообразимый гвалт, что содрогнулись сами своды преисподней. Однако длиннородый старец оказался тёртым калачом. Сообразив, что силой князя не унять, он истошно завопил, пытаясь перекрычать толпу:

— Князь, опомнитесь! Ваш земной срок ещё не истёк, и мы действительно не можем покарать вашу живую душу здесь! Но если слухи об этом погроме дойдут до великого Яньло-вана, тот колдун из мира живых, что помог вам сюда спуститься, поплатится головой! Подумайте хотя бы о нём!

Этот окрик подействовал на Ян Е как ушат ледяной воды. Гнев мгновенно улетучился, уступив место панике. Он поспешно завёл стяг за спину и уставился на устроенный им разгром.

«Проклятье! — обожгло его мысль. — Опять натворил делов под горячую руку!»

Пока он лихорадочно соображал, что делать, с противоположного берега Найхэ донеслись суровые громовые голоса стражников:

— Кто посмел нарушить покой царства мёртвых?! Какая живая душа бесчинствует у моста?! Кто впустил её сюда?! Яньло-ван требует смутьяна к себе!

Испугавшись, что из-за его глупости пострадает господин Жэнь, Ян Е круто развернулся и бросился наутёк. Но не тут-то было. Толпа новоприбывших грешников, завидев разлитый по земле отвар Старухи Мэн, ринулась слизывать его прямо с камней, намертво перекрыв князю путь к спасению.

Ян Е расшвырял пинками нескольких мертвецов, но в его лодыжку мёртвой хваткой вцепился какой-то полурасложившийся призрак:

— Зачем ты пролил наше питьё?! Что нам теперь пить перед дорогой?!

В ту же секунду на него, словно голодный прилив, хлынули десятки других завывающих душ. Они цеплялись за его одежду, облепляли со всех сторон, утягивая обратно в пучину мёртвых тел.

Он отчаянно рвался из этого кошмарного плена, обливаясь холодным потом от ужаса:

— Отвяжитесь! Пустите! Твари безмозглые, пошли прочь от меня!

И вдруг сквозь этот замогильный вой до его слуха донёсся далёкий, встревоженный крик Нянь Вэя:

— Князь! Князь, очнитесь! Умоляю, откройте глаза!

Ян Е резко сел на постели, тяжело и хрипло дыша. Липкий кошмар отступил. Рядом с ним, бледный от испуга, стоял Нянь Вэй.

Сердце князя бешено колотилось в рёбра, грудь ходила ходуном. Утерев холодный пот широким рукавом халата, он немного пришёл в себя и глухо спросил:

— Господин Жэнь... Он вернулся в столицу?

Нянь Вэй удивлённо моргнул:

— Какое там, ваша светлость! Господин Жэнь как покинул Лоян после праздника Нового года, так с тех пор о нём ни слуху ни духу.

Ян Е растерянно потер лоб:

— Понятно... А кислый сливовый отвар у Чжунли я просил перед тем, как уснуть?

— Да что с вами, князь? — слуга покачал головой. — Чжунли ушёл по делам ещё до того, как вы прилегли. Откуда здесь взяться отвару? Всё это время у вашей постели дежурил только я. Вы спали без задних ног и, должно быть, просто нагладелись кошмаров — так кричали и метались...

Заметив, какими тусклыми и отрешёнными стали глаза хозяина, Нянь Вэй робко добавил:

— Правда... пока вы почивали, к нам заходили. И кое-что оставили.

Ян Е поначалу отмахнулся, но когда Нянь Вэй со всеми предосторожностями поднёс к нему длинный свёрток, князь бросил на него мимолётный взгляд и мгновенно взвился на ноги, тяжело дыша:

— Да что это... Я всё ещё сплю?! Это опять сон?! Почему ты не разбудишь меня?! Ударь меня, живо!

— Господин, опомнитесь, это не сон! Всё наяву! — испуганно залепетал Нянь Вэй, пятясь. — Только что здесь был командир Юньци! Он примчался как на пожар, оставил письмо и вот этот меч Чжэньбин. Увидев, что вы крепко спите, он не стал вас тревожить. Сказал лишь, что на границе сейчас сущий ад, времени в обрез. Он едва успел заскочить домой и теперь на всех парах летит обратно на передовую.

Договорить Нянь Вэй не успел — он истошно взвизгнул, поскольку Ян Е с силой вцепился пальцами в его предплечье.

Слуга не смел вырваться и лишь беззвучно заскулил от боли. Ян Е, дико вытаращив глаза, хрипло спросил:

— Нянь Вэй... Тебе больно?

— Больно, ваша светлость! Мочи нет как больно! Отпустите, умоляю!

— Не сон... — прошептал Ян Е, и безумный блеск в его глазах сменился тихой, растерянной нежностью. — Значит, всё наяву...

Он разжал пальцы, и слуга наконец смог перевести дух. В ту же секунду князь молниеносно выхватил из его рук ножны и крепко прижал меч Чжэньбин к груди. Ледяная сталь сквозь шёлк рубахи овевала кожу могильным холодом, но Ян Е лишь сильнее прижался щекой к рукояти. Не поднимая головы, он тихо приказал:

— Прочти письмо. Если там хорошие вести — читай вслух. Если плохие... не смей произносить ни слова. Сразу брось в огонь.

— Слушаюсь, — Нянь Вэй дрожащими пальцами развернул плотную бумагу.

На ней размашистым, твёрдым почерком Бэйчэнь Цина было начертано всего несколько строк. Быстро пробежав их глазами, слуга понял, что никакой беды в послании нет, и послушно зачитал:

— «Уезд Ушань, посёлок Муюй к северо-востоку, у подножия горы Пяти Узоров на равнине Свернувшегося Дракона. Путь предстоит неблизкий. Береги себя».

Ян Е слушал затаив дыхание. Когда голос слуги затих, по его щеке медленно скатилась одинокая, крупная слеза.

— Юньци... Он уже уехал?

— Да, ускакал во весь опор, — вздохнул Нянь Вэй. — С такой спешкой он, поди, уже далеко за городскими воротами.

В этот миг в памяти Ян Е всплыл день перед свадьбой Юньци. Тогда его брат Ян Си велел ему прийти во дворец и взглянуть на свадебные дары. Среди бесконечного великолепия князь сразу приметил тот самый редкий нефрит из золотых нитей и красного бамбука. Но тогда, раздавленный неизбежностью их разлуки, он даже не попытался выпросить его. О, как же горько он раскаивался теперь! Сердце его сжималось от такой невыносимой досады, что хотелось выть в голос.

Он вскочил с постели, намереваясь тут же броситься в погоню за Бэйчэнь Цин. Но сделав несколько шагов к выходу, резко затормозил, обернулся и вперил в Нянь Вэя бешеный, предостерегающий взор:

— О том, что написано в письме, — ни единой живой душе! Если до меня дойдёт хоть малейший слух, клянусь, я первым делом сверну тебе шею. Ты меня понял?!

Князь шутить не любил. Нянь Вэй испуганно сжался и закивал головой как безумный:

— Да-да, ваша светлость! Клянусь своей головой, ни слова не сорвётся с моих губ!

Бэйчэнь Цин к тому времени действительно покинул столицу. Цэнь Умэй вызвалась проводить мужа до самых южных ворот Лояна. Всю дорогу она с тоской заглядывала ему в лицо:

— На улице уже совсем стемнело... Облака затянули небо. Разве нельзя подождать до утра, супруг мой?

— Никак нельзя, — покачал головой Бэйчэнь Цин. — На границе дорог каждый час. Пока я спешил сюда, там могло случиться всё что угодно.

Он бросил сочувственный взгляд на её округлившийся живот. Срок перевалил за шестой месяц, и каждый шаг давался молодой женщине с видимым трудом.

— Ветер крепчает, стужа пробирает до костей. Возвращайся домой и больше не провожай меня. Береги себя.

Цэнь Умэй подняла на него заплаканные глаза, в которых дрожали обида и тоска:

— Мне так одиноко в этой огромной усадьбе... Отец уехал на войну, сестра из-за своей беременности стала совершенно несносной — слова ей не скажи, сразу в крик. Мне тошно в Лояне. Позволь мне поехать с тобой на границу, умоляю!

Она выглядела столь беззащитной и несчастной, что сердце воина дрогнуло. Бэйчэнь Цин бережно обхватил её лицо ладонями, отирая пальцами влажные дорожки на щеках:

— Ну посмотри на себя. О какой дороге может идти речь в твоём положении? Путь на юг труден и опасен, ты просто не выдержишь тряски. Если станет совсем невмоготу — наведайся во дворец, поиграй с маленьким Аньанем, ты ведь так к нему привязалась. Потерпи ещё немного. Как только мы разобьём армию Цюннани, я сразу же подам прошение императору, чтобы меня оставили там наместником. К тому времени ты уже родишь нашего первенца, и я лично приеду, чтобы забрать вас обоих в наши новые владения.

После долгих ласковых уговоров ему наконец удалось успокоить супругу и заставить её повернуть обратно.

Ян Е примчался к воротам, когда у заставы уже никого не осталось. Он долго вглядывался в сгущающиеся сумерки, но разглядеть всадника на ночном тракте было невозможно. С досадой сплюнув, князь повернул коня назад. Поскольку ночь ещё не полностью вступила в свои права, он решил не терять времени даром и во весь опор направился напрямик к резиденции великого генерала гвардии Цзиньзу.

Управляющий усадьбой, решив, что князь Хуай прослышал о кратковременном возвращении Бэйчэнь Цина и явился засвидетельствовать почтение, лишь развёл руками: генерал отбыл около часа назад, а его супруга только-только вернулась в свои покои.

Ян Е замялся на пороге, после чего нерешительно выдавил:

— Я... на самом деле я хотел бы просить о встрече с хозяйкой усадьбы. Не могли бы вы доложить обо мне?

На душе у него было беспокойно. Князь искренне сомневался, захочет ли младшая уездная принцесса Цэнь вообще разговаривать с ним после всего, что произошло.

К его глубокому удивлению, Цэнь Умэй не отказала в приёме, хотя и пожелала остаться за плотной бамбуковой ширмой, украшенной нитями речного жемчуга.

Пытаясь разглядеть сквозь мерцающие жемчужины силуэт женщины, Ян Е заговорил торопливо, боясь, что его прогонят:

— Госпожа, простите мою дерзость, но я явился к вам с покорной просьбой. В день вашего бракосочетания его величество преподнёс вам в дар редкое сокровище — нефрит из золотых нитей и красного бамбука. Скажите... этот самоцвет всё ещё у вас?

<http://bllate.org/book/19546/1998867>